

УДК[811.161.1+811.581]’373.22:598.2

А. А. ДАНИЛЕНКО

A. A. DANYLENKO

**ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОМПОНЕНТОМ-ОРНИТОНИМОМ
КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ЗНАКИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КИТАЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)**

В статье в сопоставительном аспекте проанализированы фразеологизмы двух неродственных лингвокультур – русской и китайской, включающие в качестве компонента орнитологические образы «гусь» и «утка», что позволило установить, как их сходства, так и отличия в осмыслении мира носителями этих лингвокультур.

Ключевые слова: лингвокультура, фразеологизм, сопоставительный аспект, компонент–орнитоним, лексикографический источник.

**PHRASEOLOGICAL UNITS WITH AN ORNITHONYM COMPONENT
AS LINGUOCULTURAL SIGNS
(BASED ON THE MATERIAL OF CHINESE AND RUSSIAN LANGUAGES)**

The article analyzes phraseological units of two unrelated linguistic cultures – Russian and Chinese, including ornithological images as a component: goose and duck, which allowed us to establish both their similarities and differences in the understanding of the world by the speakers of these linguistic cultures.

Keywords: linguoculture, phraseology, comparative aspect, ornithonym component, lexicographic source.

Животные и птицы на протяжении всей истории цивилизации играли важную роль в жизни человека: являясь объектами хозяйственной деятельности человека, а также воплощая в себе разного рода представления людей о мире природы, они сопутствовали становлению общества. В результате во многих языках мира собственно номинации представителей фауны, а также фразеологизмы с компонентом-зоонимом широко используются для образной характеристики человека, отражая национально-культурную специфику восприятия окружающей действительности различными народами [1, с. 73]. Исследование особенностей функционирования зоонимов в принципе и такой их части, как орнитонимы (наименования птиц, в большинстве являющиеся именами существительными), как в отдельных лингвокультурах, так и в сопоставительном аспекте представляет собой одну из актуальных проблем нескольких направлений языкознания. Прежде всего, это активно развивающаяся в настоящее время лингвокультурология, одним из ключевых вопросов которой является изучение отражения в том или ином национальном языке особенностей национальной культуры.

Цель настоящей работы – сопоставление образного осмысления орнитологических образов (образов гуся и утки) во фразефонде двух неродственных лингвокультур – русской и китайской – с учетом того, что именно фразеологизмы принадлежат к наиболее «культуроносным» пластам языковых единиц.

В процессе проведения исследования были использованы методы: описательный, сопоставительный, интерпретационно-обобщающий.

Материалом исследования послужили фразеологические единицы русского языка с компонентом гусь и утка, включённые в двухтомный «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А.Н. Тихонова [6], и китайского языка, помещенные в «Полный свод пословиц Китая: В 2-х частях» Вэнь Дуаньчжэна [7] и в другие источники подобного характера.

Для сравнения китайских и русских фразеологизмов с орнитонимами был сформирован перечень фразеологизмов с компонентами «гусь» и «утка». Эти два вида птиц довольно близки друг к другу как в строении тела и образе жизни, так и в области их, что обусловило наличие разнообразных пословиц, поговорок и крылатых выражений с наименованиями этих птиц в лингвокультурах изучаемых нами стран – России и Китае.

Для анализа русских фразеологизмов с компонентом «утка» обратимся к «Фразеологическому словарю современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова [6], где все устойчивые выражения подтверждены иллюстративным материалом – как правило, высказываниями, взятыми из художественной литературы, в основном – классических произведений русских писателей. Указанный фразеологический словарь русского языка фиксирует следующие фразеологизмы с номинацией утка:

«УТКА. ◇ Пускать, запустить утку. – Ах, опять эти лучи, – профессор сморщился... – вздор, блеф, утка, запускаемая английским военным министерством. А. Н. Толстой» [6, с. 630].

Отдельно в этом словаре приводятся фразеологизмы и сочетания с прилагательным «утиный» и устаревшим существительным «утица»:

«УТИНЫЙ. ◇ Утиный нос – нос, приплюснутый и вытянутый вперед. – То была круглая головка с черными, жесткими волосами, ...с утиным, кверху вздернутым носом. Тургенев. – Рядом с Галактионом оказался какой-то ласковый седенький старичок... с утиным носом. Мамин-Сибиряк.

◇ Утиная походка, утиный шаг и т.п. – Он уже выходил, направляясь развалистой, спешной, утиной походкой к ближайшим просителям. Станюкович. – Холщевая портьера на дверях раздвинулась, и в столовую утиным, переваливающимся шагом... вошла Светлана. Коновалов. – Походка у него была утиная, с перевальцем, какая бывает у норвежских шкиперов, казалось, и на земле ощущающих качку. Нагибин» [6, с. 630].

«УТИЦА. ◇ В сравн. – Тут надел он свой кафтан, /...Кнут свой сбоку прицепил, /Словно утица поплыл. Ершов» [6, с. 630].

Кроме этого, «Фразеологический словарь современного русского литературного языка» под редакцией А. Н. Тихонова фиксирует крылатое выражение, связанное с лексемой «утенок», обозначающей потомство утки:

«УТЁНОК. ~ Гадкий утенок – о том, у кого неожиданно проявятся достоинства (по названию сказки Г. Х. Андерсена)» [6, с. 629].

Фразеологизмы с компонентом «утка» и его производными также фиксирует «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля:

«... Бьёт сокол серу утицу. Высидела курица утят, и сама не рада. Высоко сокол загоняет серу утицу. Не считай утят, пока не вылупились. Сколько утка не бодрись, а лебедем (а гусем) не быть... Гусь чевошник, а утка такалка... Увидал, что на утках озеро плавает! Где утка (баба), там и мутка (сплетни). Гусь с уткой идет, большой боярин вина несет!..» [2, с. 535].

Анализируя русские фразеологизмы с орнитонимом «утка» в диахроническом аспекте, можно заметить (в особенности – у В. И. Даля) определённую системность в осмыслении образа утки через другие образы: так, своеобразным «антагонистом» утки во всех приведенных выражениях является сокол, что, возможно, связано с существовавшей на Руси традицией соколиной охоты на уток. Кроме этого, в пословицах и поговорках образ утки иногда соотносится с образом гуся – как в со-, так и в противопоставлении (сколько утка не бодрись, а лебедем (а гусем) не быть; гусь с уткой идет, большой боярин вина несет и т.п.).

Фразеологизмы с компонентом «утка» и его производными в русской лингвокультуре нередко используются для подчеркивания не очень приятных особенностей внешнего вида человека или особенностей его поведения – ср.: утиный нос; утиная походка; но иногда для характеристики и иных качеств: гадкий утенок (о скрытые достоинствах человека), поплыл / пошёл, словно утица (о плавности и грации движений кого-либо).

Фразеологизмы с образом утки функционируют и в китайской лингвокультуре. Так, один из китайских лексикографических источников (состоящий из двух частей «Полный свод пословиц Китая» Вэнь Дуаньчжэна [7]) фиксирует следующие фразеологические единицы с интересующим нас компонентом:

旱鸭子 [hànyāzi] (букв. сухопутная утка; о человеке, который не умеет плавать);
填鸭 [tiányā] (букв. откармливать утку, насильно проталкивая ей специально приготовленный корм; ‘вбивать в голову’ – насильно учить кого-л., получать знания);

填鸭式教育 [tiányāshì jiàoyù], (букв. метод образования, подобный откармливанию утки – ‘метод обучения, который заключается в «разжевывании» материала»);

趋之若鹜 [qūzhīruòwù], (букв. ринуться стаями, как утки – ‘налететь со всех сторон, жаждать заполучить’);

赶鸭子上架 [gǎn yāzi shàng jià] (букв. гнать утку на насест – ‘требовать невозможного’);

煮熟的鸭子飞了 [zhǔshú de yāzi fēi liǎo] (букв. сваренная утка улетела – ‘выпустить удачу из рук или упустить хороший шанс’).

Как следует из приведенного перечня, в китайском фразеолофонде образ утки чаще всего используется не для характеристики физических или моральных качеств человека, а для описания особенностей какой-либо жизненной ситуации: 煮熟的鸭子飞了 – ‘выпустить удачу из рук или упустить хороший шанс’; 趋之若鹜 – ‘налететь со всех сторон, жаждать заполучить’. Помимо этого, в китайской лингвокультуре при помощи образа утки может характеризоваться процесс обучения – в частности, получения большого объёма знаний: 填鸭式教育 – ‘метод обучения, который заключается в «разжевывании» материала’ и т. п.

Проанализированный материал, таким образом, свидетельствует, что фразеологизмы с орнитонимом «утка» в семантике двух лингвокультур имеют больше отличий, чем сходств. Так, в русском языке фразеологизмы с компонентом «утка» чаще всего характеризуют негативные (либо просто необычные) черты физического облика человека. Примеров фразеологизмов, характеризующих внутренний (не внешний) облик человека, его моральные качества, в русской лингвокультуре крайне мало.

Во фразеолофонде китайской лингвокультуры наблюдается несколько иная картина: во фразеологизмах Поднебесной утка чаще всего характеризует какую-либо жизненную ситуацию, подчеркивая ее особенности, уделяя при этом довольно большое внимание ситуациям, связанным с процессом образования.

Для выборки фразеологизмов русской лингвокультуры с компонентом «гусь» и родственными с этой номинацией лексических единиц с целью последующего их анализа обратимся к упомянутому выше фразеологическому словарю под редакцией А. Н. Тихонова, в котором фразеоактивность номинации «гусь» представлена наиболее полно:

«ГУСЬ. (перен., разг.) ◇ Каков гусь, хорош гусь, что за гусь и т.п. – Я взглянул на него попристальнее: угрюмое лицо, волосы щетиной, низкий лоб, серые глаза, огромные усы, толстые губы... «Хорош гусь!» – подумал я. Тургенев. – [Мамаша:] Нет, но каков гусь – его нет. Вызвал на свидание и сам не явился. Зощенко. ~ Гусей дразнить, раздражить – вызывать раздражение, злобу у кого-л. – Я всего менее намерен распространяться о современной литературе, во-первых, для того, чтоб не говорить много о пустяках, а во-вторых, чтоб не раздражить гусей... Белинский. – Ну, зачем нам дразнить гусей? Зачем? – К чему нам эта демонстрация?.. Пойми, нам лишь бы выбраться только из этой проклятой истории! Мальцев. ~ Гусь лапчатый (простореч.) – хитрый, ловкий человек; плут, пройдоха. – Составилось о нём мнение, ...что он лихой, бедовый, что он гусь лапчатый, зверь полосатый. С. Аксаков. ~ Как с гуся вода кому-л. – всё

нипочём, ничего не делается с кем-л., ничто не действует на кого-л. – [Кочкарев]: Ему и горя мало; с него все это так, как с гуся вода, – вот что нестерпимо. Гоголь» [6, с. 294].

Этот словарь также фиксирует выражение с компонентом – производным от *гусь* и соотносимое с наречием – *гуськом*. В качестве подтверждения родственности этих единиц приведем словарную статью из «Нового словообразовательного словаря русского языка» А. Н. Тихонова:

« гус-ёк
гус-ак
гус-ын-я
гус-ёнок
гусь → гус-ёныш
гус-ятин(а) → гусятин-ка
гус-ятник → гусят-ниц-а
гус-ин(ый) → по-гусин-ому [по-гусиному]
гусь-ком, нареч.» [4, с. 153].

Фразеологический словарь под редакцией А. Н. Тихонова фиксирует следующие фразеологизмы с номинацией «гуськом»:

«ГУСЬКОМ. ◇ Запрягать / запрячь (закладывать / заложить) гуськом; ездить гуськом – запрягать, закладывать лошадей цугом; ездить цугом. – В Перми и Вятке закладывают лошадей гуськом: одну перед другой или две в ряд, а третью впереди. Герцен» [6, с. 294].

Для более полного охвата фразеолофонда русской лингвокультуры с компонентом «гусь» приведем данные еще одного популярного фразеологического словаря русского языка – «Фразеологического словаря русского литературного языка» А. И. Федорова:

«ГУСЬ ПОРЯДОЧНЫЙ (ХОРОШИЙ) кто. Прост. Неодобрительная характеристика человека, допускающего предосудительные поступки, нерасторопность, недалковидность, заносчивость и т.п. [Глумов]: Вас Кучаев подослал? [Голутвин:] Нет, мы с ним поругались, он тоже гусь порядочный, вроде вас (А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты). И я тоже гусь хороший, нет чтобы честно всё рассказать и покаяться, давай её дальше дразнить да разыгрывать (В. Астафьев. Звездапад)» [5, с. 161].

Приступая к анализу русских фразеологизмов с орнитонимом «гусь», стоит заметить, что по структуре большинство из них строится по модели «гусь + определение»: гусь лапчатый, гусь порядочный и т. п. Определения могут использоваться в синтаксической функции как собственно определения, так и в функции именной части составного именного сказуемого: каков гусь, хорош гусь.

Кроме этого, в русской лингвокультуре функционируют фразеологизмы глагольного типа с рассматриваемым компонентом: гусей дразнить, раздражить и т. п.; а также фразеологизмы, где данный компонент входит в состав сравнения – как с гуся вода. Таким образом, модели структурного оформления анализируемой группы фразеологизмов весьма разнообразны.

С точки зрения семантики, практически все выявленные фразеологизмы используются в различных речевых ситуациях для характеристики человека, причем для подчеркивания его не всегда позитивно оцениваемых качеств: хит-

рость, заносчивость, недалёковидность и т. п. Их употребление свойственно преимущественно разговорной речи, где фразеологизмы используются для создания образности и экспрессивности – ср., гусь порядочный; хорош гусь и т. п.

Характеризуя в целом корпус китайских фразеологизмов с орнитонимом «гусь», стоит сразу отметить, что в китайской лингвокультуре, в отличие от русской, существуют отдельные обозначения для гуся дикого и домашнего. Это находит отражение в иероглифическом начертании и, соответственно, в произношении: 雁 [yàn] – дикий гусь, 鹅 [é] – домашний гусь. При анализе китайских фразеологизмов с интересующим нас компонентом необходимо учитывать эту особенность, поскольку в противном случае можно исказить фразеологическое значение при его истолковании.

В «Полный свод пословиц Китая» Вэнь Дуаньчжэна [7] включены следующие фразеологические единицы с компонентом «дикий гусь» (雁 [yàn]):

雁归湖滨, 鸡落草棚 [yànguīhú bīn, jīluòcǎo péng] (букв. дикий гусь вернется в озеро, а курица вернется в курятник – ‘о людях благородном и низкого происхождения’);

雁序 [yàn xù] (букв. строй летящих гусей – ‘дружные братья’);

雁行鱼贯 [yàn xíng yú guàn] (букв. вереница диких гусей и косяк рыб – ‘один за другим, вереницей, непрерывно’);

断雁孤鸿 [duàn yàn gū hóng] (букв. дикий гусь отбился от стаи – об одиноком мужчине).

Обнаружить в китайскоязычных источниках фразеологизмов с компонентом «домашний гусь» (鹅 [é]) нам не удалось.

Приведенные примеры свидетельствуют, что в китайской лингвокультуре фразеологизмы с компонентом «дикий гусь» содержат в основном положительную характеристику человека: 雁序 – ‘дружные братья’; 断雁孤鸿 – ‘одинокый мужчина’, – тогда как в русской лингвокультуре фразеологизмы с аналогичным компонентом чаще характеризуют человека с не самой приятной стороны.

Таким образом, в обеих лингвокультурах фразеологизмы с орнитонимом «гусь» (в кит. – «дикий гусь») возникли как устойчивые выражения языка, характеризующие человека, будучи используемыми для образного осмысления различных человеческих качеств – в китайской лингвокультуре более позитивных, нежели в русской.

В то же время функционирующих в составе фразеологизмов образы утки и гуся, обозначаемые соответствующими орнитонимами, при осмыслении в русской и китайской лингвокультурах обнаруживают довольно много общего. Так, в обеих лингвокультурах осмысление образов утки и гуся во фразеологическом фонде амбивалентно, что обусловлено в том числе и включением этих образов в различные жизненные ситуации представителей двух народов: они могут символизировать низкий социальный статус человека или такие его негативные качества, как глупость, нерасторопность и т. п., с одной стороны, а с другой – способность к обучению, дружбу и иные, положительные человеческие качества. «Подобные факты дивергенции демонстрируют своеобразие видения окружающего мира разными народами, их различную концептуализацию окружающей действительности, особенности ассоциативных связей и представлений» [3, с. 2–3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Астанкова, Т. П. Образы животных в глагольных фразеологизмах (на материале английского и русского языков) / Т. П. Астанкова // Инновационные технологии в преподавании иностранных языков: от теории к практике: материалы IV Региональной научно-практической конференции. – Йошкар-Ола, 2017. – С. 72–78.
2. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том четвертый / В. И. Даль. – 2-е изд., исправленное и значительно умноженное по рукописи автора. – Спб., 1880. – 707 с.
3. Маркова, Е. М. Культурные коннотации вторичных номинаций при обучении русскому языку как инославянскому / Е. М. Маркова // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2013. – № 1. – Режим доступа : <http://www.evestnik-mgou.ru>. – Дата доступа : 15.01.2023.
4. Тихонов, А. Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным / А. Н. Тихонов. – М. : АСТ, 2014. – 639 с.
5. Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка : ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 878 с.
6. Фразеологический словарь современного русского литературного языка / Под ред. проф. А. Н. Тихонова / Сост. : А. Н. Тихонов, А. Г. Ломов, А. В. Королькова. Справочное издание: В 2 т. Т. 1. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 832 с.
7. 温端政. 中国谚语大全辞海版 (全两册). 上 / 温端政. – 上海: 上海辞书出版, 2004. – 1371 页 = Вэнь, Дуаньчжэн. Полный свод пословиц Китая : В 2 ч. Ч. 1 / Вэнь Дуаньчжэн. – Шанхай : Шанхайское словарное изд-во, 2004. – 1371 с.